

Владимир ЯРОШ

УРОК ПАМЯТИ

Рассказ

Весна в том году выдалась ранней, клейкие листочки на тополях проклюнулись в начале мая, утопив город в зыбком фисташковом мареве.

Плакаты «Мир, труд, май» вдоль улиц спешно менялись на «День Победы».

Перед желтой бочкой выросла солидная очередь: по пути домой работяги с засученными рукавами делали крюк, чтобы осушить кружку-другую ядреного холодного кваса.

Получив сдачу мокрыми монетами, Колька накрыл крышкой эмалированный бидончик и зашагал по аллее, вдыхая запахи весны, двенадцатой в его жизни и оттого удивлявшей новизной, будившей ожидания.

Во дворе сверстники шумно гоняли залатанный мяч, норовя запулить его в треснутое лобовое стекло «инвалидки» — пристанища дворовых кошек. Коля давно ждал, когда наконец пионеры утащат ее на металлолом.

После уличного гвалта и горячего солнца приятно было окунуться в прохладный полумрак подъезда. Дом их, с лепниной и пожарной каланчой под римский портик, строили еще пленные немцы. Все эти «архитектурные излишества» дополнял фонтан со слоном во дворе и ажурные беседки.

В новом районе, который застраивался по ту сторону улицы Алюминиевой, ничего такого и не предполагалось, одни панельные четырехэтажные коробки, а потому Коля всеми силами протестовал, когда родители собрались было обменять свою двушку на трешку в новостройке.

Открыв дверь ключом, висевшим на шее, он вошел в квартиру, где все было, как всегда, одиноко и пахло не весной, а горелой канифолью. Поэтому первым делом он сдвинул тюль и открыл балконную дверь.

В просторной кухне отец в майке и с окуляром на небритом лице припаивал трясущимися руками провода в ламповом приемнике, одном из очереди бытовой техники, заполнившей оборудованный под мастерскую угол.

— Будешь? — спросил Коля, поставив битончик на стол.

— Пиво?

— Ага. Квас.

Отец махнул рукой, но все же выпил махом два стакана. Его только вчера выпи-сали из больницы после инфаркта с категорическим запретом на спиртное. Вот уже день, как он держался.

Владимир Александрович Ярош родился в городе Каменске-Уральском Свердловской области. Окончил физико-технический факультет Уральского политехнического института. Публиковался в литературных журналах «Нева», «День и ночь», альманахе «Енисей» и других периодических изданиях. Живет в Красноярске.

Когда-то, и Колька смутно помнил те счастливые времена по фотографиям, отец работал начальником. Дом тогда был полон друзей, конфет и песен: «Выпьем же за Сашу, Сашу дорогого, а пока не выпьем — не нальем другого!»

Со временем контингент гостей изменился. Вместо Орловича, которого на работе поставили на место отца, дома все чаще стал появляться дядя Вася из гаража, еще какой-то незнакомый мужик с обожженным лицом. И песни звучали уже не те: «Напрасно старушка ждет сына домой, ей скажут — она зарыдает...» Собственно, отец и сейчас работал на том же комбинате, но уже электриком в автотранспортном цехе. И того бы лишился, если бы, как ворчала мать, не деревянная нога или, по мнению ее сестры, не золотые руки, о чем проведали соседи.

Денег за ремонт он принципиально не брал, а вот перед чекушкой устоять не мог.

— Зайди в тридцать пятую, чтоб забрали свой ящик.

— А завтра нельзя? — догадывался Коля, чем это кончится.

— Нельзя. Здесь не склад. — Поднял из-под очков воспаленные глаза отец. Голос его не располагал к дискуссии.

В дверь позвонили.

— Сам пришел, — сказал отец. — Легко на помине.

Не тут-то было: на пороге оказались староста класса в роговых очках и девочка Оля, от туфелек и до бантиков вся такая лучезарная, что Коля зажмурился. И подумал: «Лучше бы сосед из тридцать пятой».

Пока он боролся с приступом столбняка, подружки бойко объяснили цель визита:

— Мы по поручению председателя совета дружины, пригласить твоего папу выступить на торжественной линейке.

— Чиво?! — похолодел Коля.

— Он ведь у тебя ветеран?

— У меня? Н-неа, — Коля для убедительности покрутил головой.

— Не ври, Воробьев. Мы в военкомат запрос делали. Сказали, воевал.

— Да он так, немного.

— Так не так, пусти, разберемся.

— А нету его.

Но в этот момент по коридору загромыхало.

— Я, это, сам ему скажу, — захлопнул Коля дверь перед самым носом у девочек.

— Ну, Воробьев, сорвешь мероприятие, — услышал он через замочную скважину голос старосты, — мало не покажется!

* * *

Классная руководительница написала не одно приглашение отцу на школьный урок памяти. Но все они остались без внимания, поскольку Колиным дневником дома редко интересовались. Сам он о выступлении и не заикался. Да и что путного он мог рассказать? Как ногу оторвало?

Про цепи утопающих в сугробах новобранцев под кинжальным огнем? Про то, как в первую же зиму передохли и были съедены все лошади и орудия тянули весной по грязи изможденные солдаты? Как пристреливал политрук надорвавшихся или как самому ему в бою пулю в затылок? В кино такого не увидишь. А то, что показывали, отец не мог смотреть.

— Вранье! Ну где они видели в сорок первом новенькие сапоги и шинели? Обмотки да телогрейки!.. А хари от сала трескаются, — ругался он на актеров. — С каких харчей? Мы весной сорок второго от дистрофии дохли! Почки сосновые жрали.

Опошляя матюгами пафосные сцены, отец раздраженно вскакивал и кандыбал на кухню курить.

Ладно дома, но в школе такого позора Коля бы не вынес.

* * *

8 мая в последний момент он сказал классному руководителю, что отец заболел и прийти не может. Та всплеснула руками и побежала уговаривать завуча, чтобы на встречу снова привели трудовика.

В полдень все собралось: мальчики в белых рубашках, девочки с бантами. Гвалт в актовом зале поднялся такой, что пионервожатой пришлось несколько минут стоять с поднятой рукой, требуя внимания. Приняв рапорт у председателя совета дружины, она объявила о начале торжественной линейки в честь Дня Победы в Великой Отечественной войне.

За окнами буйствовала весна. С грустью о необратимо упущенных лучших мгновениях жизни, ребятишки смотрели через запертые окна на нежно-розовые яблони, над которыми гудели шмели.

Шум в зале усиливался. Когда ситуация пошла в разгон, пионервожатая дала отмашку, и из репродуктора с треском захрипело:

Вставай, страна огромная,
Вставай на смертный бой
С фашистской силой темною,
С проклятою ордой.

Магические эти звуки на какое-то время заморозили зал.

У Коли от них всегда дух захватывало. Вот и сейчас кожу его на затылке стянуло холодом.

На сцену поднялись и выстроились полукругом чтецы. Начинал вихрастый мальчик.

Я, ребята, на войне
В бой ходил, горел в огне,
Мерз в окопах под Москвой,
Но, как видите, —

сделал он девчачий книксен, —

живой.

Должен был прийти он к маме,
Хлеб растить, косить траву.
В День Победы вместе с нами
Видеть неба синеву, —

вторила ему девочка.

Читали они с одинаковыми интонациями, успевая в паузах подмигивать кому-то и строить рожицы. Постепенно голоса их безнадежно утонули в нарастающем гуле.

— Тихо, я сказала! — грозила кулаком из-за кулис пионервожатая, чтобы хоть как-нибудь дотянуть поэтическую композицию до конца.

Затем, раздвигая мощным седалищем пиджачную шлицу, на сцену взобрался трудовик, позвякивая сомнительными цацками. По случаю торжества он даже галстук нацепил на резиночке.

— Так! — воззвал он к тишине и постучал костяшками пальцев по фанерной трибунке, буравя поверх очков зал. — Хочу напомнить: через два годика встретимся на «военной подготовке». — По совместительству он вел еще и военное дело. — Память у меня хорошая. Мигом дурь повышибаю. Как? Начнете с устава, наизусть. От корки до корки. Солдату что главное? Действовать по уставу. И не мудрствовать. Почтище разгильдяев перевоспитывал. Вот так было дело, — пригладил он редкие волосы, зачесанные на лысину.

Откашлялся и взялся за пересказ операции «Багратион», козыряя фамилиями военачальников и вычитанными где-то словами: «фактор времени», «диспозиция», «фортификация», не замечая того, что ползала дремлет или играет в морской бой.

— ...Девятого мая красное знамя победы было победоносно водружено над рейхстагом! — торжественно закончил он.

— Вот так было дело, — передразнил выступающего кто-то из зала.

Коля по привычке пробежал взглядом по залу в поисках голубых бантиков, но увидел их совсем не там, где ожидал: Оленька Кузнецова вела под руку к сцене его отца. По цвету носа и другим признакам сын безошибочно определил принятую им дозу: стадия эйфории. Громохая костылем и деревянным протезом, тот пытался изобразить что-то вроде строевого шага.

Коле сильно захотелось провалиться под землю. «Выпендрился!» — сморщился он на допотопный габардиновый костюм с дыркой от сигареты и тремя тусклыми наградами из тех, что когда-то валялись в ящике с радиодетальями.

— Идет, идет, — услышал Коля за спиной противный голос своего врага Куимова, — по крыше воробей. Несет, несет охапку костылей!

Слабая надежда, что отца не узнают, улетучилась.

— Воробьев, — почувствовал он толчок под лопатку, — это твой пахан прикостылял?

Как мумия, Коля смотрел на пионервожатую, плохо понимая смысл ее торжественного вступления.

— ...А сейчас перед вами выступит ветеран Великой Отечественной войны, кавалер орденов Славы Александр Александрович Воробьев. Поприветствуем же его, ребята!

Под туш меланхоличного баяниста ветеран кое-как взобрался на трибуну, отставил костыль, прокашлялся и оглядел с улыбкой зал, который дружно разразился смехом, едва он открыл рот.

Даже сын его не ожидал такой реакции. И только подняв глаза, понял причину: в окне напротив корчил рожи дважды второгодник и хулиган Скиба, которого после последнего предупреждения не пустили в школу без нормальной стрижки. Когда его глумливая физиономия, расплющив нос, прильнула к стеклу, пионеры впали в истерику. Масла в огонь добавила тетя-Машина швабра. Сама техничка до окна не доставала, и над карнизом был виден лишь ее инструмент, методично опускавшийся на патлатую голову.

Разгневанная пионервожатая по имени Вера вскочила на сцену и пронзительным, как гудок паровоза, голосом заставила всех замолчать.

— ...Люди жизнью своей жертвовали ради вас, холеных разгильдяев. Что хихикаешь, Егоров?! Весело? Думаешь, под белой рубашкой скрыть свою черную душу?

— Ну зачем же так-то? — опешил ветеран.

— ...Я вот не уверена в том, что случись война, ты и дружок твой, — показала она на окно, — могли бы повторить подвиг отцов и дедов.

— Смогут! — заступился Сан Саныч. — Дети ведь. Мы в их годы не такое вытворяли. И снова взрыв хохота. Это снова показался Скиба, но в другом окне.

Пионервожатая пантерой кинулась к выходу.

— Ну, заяц, погоди! — крикнул кто-то голосом Папанова.

— Да впустите же этого ирокеза, прибьет ведь! — крикнул Сан Саныч.

Распахнув окно, ребята втащили Скибу, который попутно стянул с головы пионера в очках испанку с кисточкой и, маскируясь, натянул ее на свои рыжие космы.

— А что вы вытворяли в школе? Расскажите! — завопили из зала.

— Ага, научи вас, — отмахнулся ветеран, — такого натворите.

Без пионервожатой, один на один с бушующей толпой, он несколько сдрейфил и отхлебнул для храбрости из тоненькой фляжки.

— Мычали?

— Это что...

— Иголки в стул учительке вставляли?

— Скиба! — Влетела запыхавшаяся пионервожатая на грани нервного срыва. — Я тебе сейчас вставлю!

— А чем? — спросил он голосом, в котором уже прорывались басовые нотки.

— Сейчас увидишь!

Зал снова взорвался.

Ветеран вопросительно посмотрел на нее: «Может, заканчивать пора?» — и оперся на костыль.

— Что, на уроки захотели? — пригрозила пионервожатая. — Так я вам устрою факультативы вместо летних каникул! То-то. Итак, — сделала она паузу, зловеще оглядывая притихший зал, — слово предоставляется ветерану Великой Отечественной войны Александру Александровичу Воробьеву! — И первая захлопала в ладоши. — Расскажите, Александр Александрович, с чего для вас началась война?

— Для меня? — спросил ветеран.

Он не ожидал такого вопроса и задумался, глядя в окно. В зале начали ерзать и покашливать. Колькино лицо наливалось красным. Вера, решив, что ветеран забыл вопрос, повторила его.

— Со школы. У нас выпускной был. Всю ночь гуляли. Пели, делились планами, мечтали. А утром разошлись, чтобы вздремнуть и пойти на лодках кататься. Когда встретились снова у школы, все уже знали, что немец напал. Ну и вместо лодочной станции всем классом пошли в военкомат. Вот так и началась. Даже не знаю, что и рассказывать-то?

— Рассказывайте, как фрицев лупили. Та-та-та-та-та, — изобразил герой дня.

— Во-во, именно так. Фамилия у тебя редкая. Родители-то откуда?

— А че?

— Да, у меня товарищ был на фронте, тоже Скиба.

— И че?

— Да ниче. Колей звали.

— Как моего дядьку. Его на войне убили.

— С какого он года?

— Я почем знаю?

— Мы с Колей самые молодые были в батальоне. Слух как у зайцев и бегали быстрее всех. Только услышим: у-у-у-у, — набычившись, утробным голосом прогудел ветеран так, что у ребят мурашки по коже пробежали, — «юнkersы», значит, стаей в полнеба, — как дадим стрекача! Если они в пике заходят, бежать уже поздно: и-и-и-и, — уши закладывает, сердце сжимается. Попадаем лицом в землю, а за спиной

грохот. А «мессеры» вот так: дз-з-з-з, — натурально изобразил он, — и косят, где погуше. А за нами двумя кто погонится? Стихнет, вернемся к своим, а там...

Коля поморщился, он уже слышал эту историю и знал, чем она кончится: «...а там куски мяса и стоны раненых». Но на этот раз прозвучала иная версия:

— ...А там уже наши бойцы улыбаются, покидая укрытия: провели немца, заставили его боекомплект впустую израсходовать.

— А как тогда дядя Коля погиб? — спросил Скиба и тут же дал подзатыльник одному из смешливых соседей: — Да тихо ты!

— Он не он, не знаю. Но дружок мой погиб, спасая меня. Один раз «юнкерсы» спикировали неожиданно. Мы замешкались, умаялись на марше до кровавых мозолей, бежать сил не было. Хотел в траншею, а она уж полна бойцов. Как тараканы по щелям забились. Подумал: «Все, каюк», как в грохоте услышал:

— Саня! Сюда!

Тощие были, бочком вдвоем уместились. Самолеты улетели, я поднялся. «Коля!» — говорю, трясу его за плечо. Присмотрелся, а под лопаткой маленькая такая дырочка. Я еще не поверил, что от такой умереть можно. А он не дышит. Прямо в сердце осколок попал.

— Не, значит, не он. Батя говорит, когда он за языком ходил.

— Значит, не он, — не стал спорить Сан Саныч.

— А вы ходили?

— Посылали как-то. Два дня ползали на пузе за линией фронта, никак не могли подобраться. А возвращаться пустыми нельзя. И так и сяк — все зря. И вот наткнулись на их линию связи. Перерезали провод и схоронились рядом. Ночь ждали. А утром слышим: губная гармошка!

Дойчлянд зольдатен
унтерофицирен

Это они связиста отправили порыв провода искать. Мы изготовились, только команды старшего ждем...

Дети напряглись в ожидании развязки. Коля слышал и эту историю и знал, что развязки не будет, так и не решится старший дать команду, почуяв засаду.

Но нельзя же было разочаровывать ребят! И на этот раз история обернулась следующим образом:

— Дальше дело обычное: кляп в рот, мешок на голову и к своим. Жирный такой попался, еле дотащили.

— Ха-ха-ха!

— А много вы немцев перебили? — раздался звонкий голос, но ветеран вместо ответа снова отхлебнул из фляжки, вынув ее из внутреннего кармана.

— А в рукопашной кто кого? Немец или русский?

— Не знаю, — и, словно очнувшись, добавил: — Один на один никогда с немцем не схватывался.

— Почему? — разочарованно загудели в зале.

— Ну, вы же настоящие пионеры, не обижаете слабеньких? Так и я: дождусь, когда их побольше соберется и вот так, — замахнулся костылем. — Сразу троих на штык насадишь и ждешь следующую партию.

В зале довольный смех.

— Они боялись?

— Еще как! Сидим в окопах, тут мы, там они. Кричат в рупор: «Рус Иван! Спой „Пропала головушка“!»

- Сейчас тебе «Катюшу» споем!
- Вай, вай, вай, не надо «Катюшу», — смекнули, что речь не о песенках, а о реактивном миномете.
- А в Сталинграде были?
- Довелось. Помню, сидим в траншее, за нами Волга. А немецкий окоп напротив, рукой подать. И вот оттуда заладили: «Рус Иван! Буль-буль!» Намекают, что скоро в Волгу скинут. «Буль-буль» да «буль-буль», и высовывается все один, рыжий, как ваш Скиба, то тут, то там, чтоб не успели прицелиться. «Рус Иван, буль-буль!» Страшно разозлил. Да как его достанешь? Но нашлись смельчаки, ночью выкрали гаденьша, когда он в туалет пошел. Давай его в реку окунать и приговаривать:
- Фриц, буль-буль!
- Утопили гада? — спросил Скиба с горящими глазами.
- В штаб сдали. От живого проку больше, чем от утопленника.
- А что у вас за медали? Можно посмотреть?
- Эта «За освобождение Варшавы», эта «За взятие Будапешта», — отцепил он обе и пустил по рядам.
- А почему Варшавы — за освобождение, а Будапешта — за взятие?
- Сан Саныч внимательно посмотрел в пытливые глаза очкарика и задумался. И впрямь: почему? Польша и Венгрия одинаково братские социалистические государства. Но это вроде как сейчас. А стоит ли рассказывать детям, что тогда Венгрия воевала на стороне немцев? И отличалась такой жестокостью по отношению к мирному населению, что генерал Ватутин вынужден был отдать устный приказ: «Венгров в плен не брать».
- Чтоб различали, кто географию в школе плохо учил, — не придумал он ничего лучшего.
- А что лучше: «калаш» или «шмайсер»? — снова кто-то выкрикнул из зала.
- Конечно, «калашников». Только их тогда еще не было.
- А нам трудовик рассказывал, как из «калаша» немцев косил.
- Ну, это ему, наверное, опытный образец дали, — пожалел «фронтовика» Сан Саныч. — А мы из трехлинейки щелкали. Чего зря пули на ветер пускать? Потом ППШ появился, но не любил я его: тяжеленный, и не прицелишься толком.
- А если вы полный кавалер Славы, то почему у вас только один орден? — сыскался еще один умник.
- Кто сказал, что полный?
- Вера.
- Нет, у меня только два.
- А где второй?
- Колька покраснел. Он вспомнил, как променял на шариковую ручку второй. Нет, на ручку он променял орден Красной Звезды, а этот на клюшку.
- Но отец быстро нашелся:
- Второй у меня фриц в бою откусил, когда я его прижал. Зубастый оказался.
- Прихлебывая время от времени из фляжечки, ветеран раздухарился и рассказывал байки одна другой круче. Незаметно подмигнул сыну, но тот отвернулся. Не нравилось ему это шутовство.
- А вам страшно было? — спросила девочка.
- Русский солдат ничего не боится. Разве что, — понизил он тон, — когда уже победа замаячила. Жить вдруг захотелось! И союзники подоспели. Нас, кто повыше ростом да постатней, выбрали для встречи с ними. Веселые ребята. Сигаретами угощали, тушенкой в банках. Да только я и открыть ее не успел: Дурная мина залетела,

ногу-то и оттяпало. Помню, жалел, что шоколада настоящего не успел попробовать. Пацан ведь. Я даже и не курил тогда, махорку на кашу менял. А нога что? Вот новую приделали, еще крепче, — потопал он. — Еще бы повоевал, да война кончилась.

Выступление прошло на ура. Ветеран задержал дыхание, чтобы не обдать перега-ром Оленьку, которая под дробь барабанов повязала ему пионерский галстук.

— Скажите, а еще война будет?

— Нет, ребята, наш народ строго держит курс Коммунистической партии на мир во всем мире.

— Мы тоже хотим фрицев лупить!

— Подрастите сперва.

— А нам читали про Валю Котика. Ему тринадцать было.

— Хорошая книжка, но и арифметику не забывайте. А то кто будет танки делать?

Танк — он с виду грозен очень,

А на деле глух и слеп, —

процитировал мальчишка-артист.

— Кто сказал? — оглядел Сан Саныч зал.

— Василий Теркин!

— Ну да, это по-нашему! — как-то невесело ответил он.

— А вы Теркина видели?

— Еще как. Похлебку из одного котелка ели.

Опустошив фляжку, он нес уже такую несусветную чушь, что пацаны хохотали до упаду.

— Ну, у тебя и батя, — тискали они потом Кольку. — Герой!

* * *

Когда они вышли со школьного двора, отец вдруг повернул налево.

— Куда ты? — Спросил Коля.

— Надо. Просили холодильник посмотреть в красном доме.

В красном доме был магазин, который тоже называли красным.

— Я с тобой.

— Иди учи уроки.

Но Колька не отпускал отца до тех пор, пока не показалась стайка девчонок в белых фартуках, среди которых он узнал и Олю.

— Папа, пожалуйста, пойдем домой, — тихо попросил он.

— Пять минут, и буду дома. Иди, сынок.

Колька проглотил комок в горле. Он уже знал, чем все это кончится.

Дома, подойдя к окну, стал ждать. Прошло пять минут, двадцать и час. Лишь тогда он увидел показавшегося из-за угла детской площадки отца. Он шел, тяжело опираясь на костыль. Но когда мяч запущенный кем-то из мальчишек, играющих в футбол, прокатился мимо, отец не удержался и поддел его костылем. Мальчишки тотчас узнали его и стали смеяться и кричать. Отец доковылял до инвалидки, которую ему на двадцатилетие Победы выделил бесплатно завком, и присел на капот отдохнуть. Мальчишки тут же окружили его.

— А она ездит?

— Еще как. Броня крепка, и танки наши быстры!

К тому времени, как Колька выбежал на улицу, отец, громыхая жестью, уже лез в пыльное нутро.

Коля уцепился сзади за его пиджак и со злостью тянул обратно:

— Пошли домой, я тебе сказал!

Но отец, не оборачиваясь, ударил его по руке ребром ладони, вырвался и с неожиданной ловкостью уселся за руль.

Аккумулятор не подавал и признаков жизни. Но Коля зря надеялся, что этим все закончится.

— А ну подтолкнули до первой искры! — скомандовал отец.

Пацаны со всех сторон облепили диковинное транспортное средство и с улюлюканьем покатали его на дорогу.

— Давай-давай! Еще! Сцепляю! От винта!

Тарантас зачихал, но никак не заводился. Бак был пуст. Хотя это не имело уже никакого значения.

— ...Но от тайги до британских морей Красная Армия всех сильнее! — орал он охрипшим голосом, пока не зашелся в кашле.

Разогнавшись до бешеной скорости, гонимая мальчишками «боевая» машина с грохотом выскочила с бордюра на улицу, едва не столкнувшись со встречным «москвичом».

— ...Вперед, вашу мать! Снаряд! Заряжай осколочным! За Родину, за Сталина! Огонь!!! Тра-та-та-та... — орал инвалид и размахивал, как автоматом, костылем, разгоня озверевших собак.

Эта атака оказалась последней в его жизни.

* * *

За праздником шли выходные. Ни морг, ни ритуальные услуги не работали. Мать набегалась, уговаривая и тех и других. Колька не столько думал об отце, сколько переживал за нее.

Но когда гроб вынесли на улицу и поставили на табуретки, на него накатило. Шел мелкий, совсем невесенний дождь. «Природа по Саше плачет», — говорила соседка. Покойного прикрыли полиэтиленовой пленкой, которая подрагивала от капель дождя, отчего казалось, что он что-то им пытается сказать на прощание.

От сознания, что никогда больше не увидит отца, в Колиной душе образовалась пустота, которую, он знал, уже ничем не заполнить. Стало горько, что последнее время так мало разговаривал с ним, а потому, может, и не понимал, отчего так все сложилось. Кто-то тронул его за плечо. Это была Оля. В плащике, в темной косынке и с парой гвоздик.

В момент, когда грянули надрывные звуки оркестра, что-то оборвалось внутри у Коли. Он изо всех сил старался, чтобы не разрыдаться, но слез сдержать не смог. Люди понимали его и отводили глаза.

Когда процессия выехала за город в сторону кладбища, Коля увидел несколько десятков КраЗов, МАЗов и других больших машин вдоль дороги. Провожая в последний путь Сан Саныча, как звали его в автоцехе, они разом оглушительно загудели басами клаксонов. К ним подключился и заводской гудок, которым за отсутствием надобности не пользовались уже несколько лет.

— Давненько я не видел, чтобы кого-то так провожали, — сказал ответственный за похороны от завкома в болоньевом плаще.

— Хороший был человек. — ответил кто-то. И все закивали.